

ОБЗОР
практики Конституционного Суда Российской Федерации
за третий квартал 2025 года

Настоящий обзор посвящен постановлениям и наиболее важным определениям, принятым Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) в третьем квартале 2025 года.

I

Конституционные основы публичного права

1. Постановлением от 17 июля 2025 года № 29-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 5 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Указанное законоположение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой на его основании разрешается вопрос о прекращении производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 17.15 КоАП Российской Федерации и выразившемся в неисполнении должником – органом местного самоуправления содержащихся в исполнительном документе и связанных с осуществлением переданных ему государственных полномочий требований неимущественного характера в срок, установленный судебным приставом-исполнителем.

Оспоренное законоположение признано не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования в случае его применения при производстве по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 17.15 КоАП Российской Федерации и выразившемся в неисполнении таким должником указанных требований в установленный судебным приставом-исполнителем срок, оно предполагает, что:

принятие уполномоченным органом или судом решения о прекращении производства по делу об административном правонарушении при установлении факта выделения законом субвенций органам местного самоуправления на осуществление переданных им государственных полномочий в размере, недостаточном для их осуществления, если это привело к их неисполнению или ненадлежащему исполнению, не требует дополнительного установления того, вносилось ли или направлялось ли

органами местного самоуправления органам государственной власти предложение о выделении субвенций в размере, необходимом для надлежащего осуществления переданных государственных полномочий, а также информировали ли своевременно органы местного самоуправления органы государственной власти о недостаточности размера выделенных субвенций в ходе осуществления таких полномочий;

такое решение не может быть принято, если уполномоченный орган или суд установит, что выделение субвенции в размере, недостаточном для осуществления органом местного самоуправления соответствующего государственного полномочия, приведшее к его неисполнению или ненадлежащему исполнению, было предопределено предоставлением органами местного самоуправления органам государственной власти недостоверной (неполной) информации, притом что ее достоверность (полнота) объективно не могла быть проверена органами государственной власти;

для принятия уполномоченным органом или судом такого решения должна быть установлена причинно-следственная связь между выделением субвенций на осуществление органами местного самоуправления государственных полномочий в размере, недостаточном для их осуществления, и неисполнением соответствующих требований, содержащихся в исполнительном документе;

размер выделенной органу местного самоуправления субвенции, равный или превышающий те расходы на исполнение требования неимущественного характера, содержащегося в исполнительном документе, которые составляют часть расходов на осуществление соответствующего государственного полномочия, сам по себе не может свидетельствовать о достаточности – в целях применения части 5 статьи 24.5 КоАП Российской Федерации – размера субвенции без учета необходимости использования выделенных средств в соответствии с действующим законодательством также и на иные цели в рамках осуществления данного полномочия, включая расходы на исполнение в рамках исполнительных производств других требований неимущественного характера;

прекращение производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 17.15 КоАП Российской Федерации, на основании части 5 статьи 24.5 данного Кодекса не влечет прекращения обязанности органа местного самоуправления исполнить в соответствии с законодательством об исполнительном производстве содержащееся в исполнительном документе требование неимущественного характера; оно также не снимает с органов государственной власти

обязанность по передаче органам местного самоуправления материальных ресурсов и финансовых средств, необходимых для осуществления государственных полномочий, в том числе в части исполнения соответствующих судебных актов.

2. Определением от 18 сентября 2025 года № 2104-О Конституционный Суд проанализировал положения части 1 статьи 16.2 и части 1 статьи 27.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Согласно части 1 статьи 16.2 КоАП Российской Федерации недекларирование по установленной форме товаров, подлежащих таможенному декларированию, за исключением случаев, предусмотренных статьей 16.4 названного Кодекса, влечет наложение административного штрафа на граждан и юридических лиц в размере от одной второй до двукратного размера стоимости товаров, явившихся предметами административного правонарушения, с их конфискацией или без таковой либо конфискацию предметов административного правонарушения; на должностных лиц – от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей.

Частью 1 статьи 27.10 КоАП Российской Федерации предусматривается, что изъятие вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, и документов, имеющих значение доказательств по делу об административном правонарушении и обнаруженных на месте совершения административного правонарушения либо при осуществлении личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, и досмотре транспортного средства, осуществляется лицами, указанными в статьях 27.2, 27.3, 28.3 названного Кодекса, в присутствии двух понятых либо с применением видеозаписи.

Как отметил Конституционный Суд, конфискация незадекларированных товаров для личного пользования, выступающих предметами административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 16.2 КоАП Российской Федерации, предполагает принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность всех таких товаров и не выходит за пределы законодательной дискреции.

Применение же части 1 статьи 27.10 КоАП Российской Федерации при производстве по делам о правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 16.2 КоАП Российской Федерации, автоматически не влечет конфискации всех изъятых вещей, в частности товаров для личного пользования. Согласно подпункту 1 части 3 статьи 29.10 названного Кодекса указанные вещи, если они не изъяты из оборота, подлежат возвращению

законному владельцу, когда в их отношении в постановлении по делу об административном правонарушении не применено или не может быть применено административное наказание в виде конфискации.

II

Конституционные основы трудового законодательства и социальной защиты

3. Постановлением от 3 июля 2025 года № 27-П Конституционный Суд дал оценку конституционности абзаца второго пункта 18 Правил выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частями 9, 10 и 13 статьи 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, гражданам, пребывавшим в добровольческих формированиях, пенсионное обеспечение которых осуществляется Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации, и членам их семей (утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 года № 142).

Указанное положение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой на его основании решается вопрос о дате, с которой должны производиться назначение и выплата ежемесячной денежной компенсации, установленной частью 9 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», членам семей военнослужащих, проходивших военную службу по призыву и погибших (умерших) при исполнении ими обязанностей военной службы либо умерших вследствие военной травмы до 1 января 2012 года.

Оспоренное положение признано не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагает, что ежемесячная денежная компенсация в соответствии с частью 9 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» отмеченной категории лиц до вступления в силу указанного законодательного акта назначается с 1 января 2012 года.

III

Конституционные основы частного права

4. Постановлением от 8 июля 2025 года № 28-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 3 статьи 1033 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Указанное законоположение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой с его учетом решается вопрос о признании антимонопольным органом ограничительных условий договора коммерческой концессии противоречащими антимонопольному законодательству в рамках административной процедуры.

Оспоренное законоположение признано не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования оно не препятствует признанию антимонопольным органом в рамках административной процедуры отдельных ограничительных условий договора коммерческой концессии (включая упомянутые в пункте 1 статьи 1033 ГК Российской Федерации) – в том числе влекущих создание со стороны хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение на товарном рынке, препятствий доступу на него другим хозяйствующим субъектам – противоречащими антимонопольному законодательству, что не исключает последующей проверки обоснованности такого решения в судебном порядке в случае его оспаривания, а также само по себе не влечет признания недействительными названных условий договора, с учетом возможности предъявления соответствующих исковых требований в судебном порядке.

5. Постановлением от 18 июля 2025 года № 30-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений подпункта 2 пункта 3¹, подпункта 3 пункта 4 статьи 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», а также части 4 статьи 10 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

Указанные законоположения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании решаются вопросы об исключении гражданина из списка лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, подлежащих обеспечению жилыми помещениями, и о признании недействительным уже выданного ему сертификата на приобретение жилого помещения за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации вследствие приобретения им жилого помещения с использованием средств ипотечного кредита и материнского (семейного) капитала.

Оспоренные законоположения признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они:

не допускают исключения гражданина из указанного списка и признания недействительным уже выданного ему сертификата, подтверждающего право на однократное предоставление за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации выплаты на приобретение благоустроенного жилого помещения в собственность, в силу факта приобретения таким гражданином жилого помещения за счет средств ипотечного кредита;

не предполагают определения уровня обеспеченности таких лиц общей площадью жилого помещения в целях предоставления им жилищных гарантий исходя из наличия и размера их долей в праве общей собственности на жилое помещение, в частности приобретенное с использованием в качестве дополнительного финансового источника средств материнского (семейного) капитала.

6. Постановлением от 25 сентября 2025 года № 31-П Конституционный Суд дал оценку конституционности абзаца первого пункта 5 статьи 32 и пункта 3 статьи 42 Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

Указанные законоположения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании решается вопрос о защите прав владельцев привилегированных акций, размер дивиденда по которым определен в уставе акционерного общества, в случае если решение о выплате дивидендов по обыкновенным акциям было принято и фактически исполнено, а владельцам привилегированных акций дивиденды за соответствующий период не распределялись (не выплачивались).

Оспоренные законоположения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они не предусматривают эффективных способов защиты прав владельцев таких привилегированных акций в случае невыплаты им дивидендов (полностью или частично) при нарушении акционерным обществом требований закона об очередности распределения дивидендов.

Впредь до вступления в силу изменений в действующее правовое регулирование:

принятые с нарушением прав акционеров – владельцев привилегированных акций, размер дивиденда по которым определен в уставе акционерного общества, но фактически не исполненные решения акционерных обществ о выплате дивидендов владельцам обыкновенных акций исполнению не подлежат;

если после вступления в силу данного Постановления такое решение будет исполнено вопреки вышеуказанному запрету, права владельцев таких привилегированных акций подлежат защите путем взыскания судом с акционерного общества в качестве неосновательного обогащения денежных средств в сумме, равной сумме не выплаченных соответствующим акционерам дивидендов за тот период, за который решение о распределении дивидендов по обыкновенным акциям было принято и фактически исполнено.

Конституционный Суд отдельно отметил, что правоприменительные решения, принятые по делу с участием заявителей, подлежат пересмотру в установленном порядке посредством применения способа защиты, указанного в абзаце четвертом пункта 2 резолютивной части данного Постановления.

IV

Конституционные основы уголовной юстиции

7. Определением от 3 июля 2025 года № 1839-О Конституционный Суд проанализировал положения части 1 статьи 15 Федерального закона от 3 декабря 2008 года № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и частей первой и второй статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В соответствии с частью 1 статьи 15 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» право на использование геномной информации имеют суды, органы предварительного следствия, органы дознания и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность.

Согласно статье 161 УПК Российской Федерации данные предварительного расследования не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных частями второй, четвертой и шестой этой статьи (часть первая); данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя или дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не

противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства (часть вторая).

Как отметил Конституционный Суд, находящаяся в федеральной базе данных геномная информация фактически рассматривается в качестве служебной, вспомогательной (криминалистически значимой) информации в правоохранительной деятельности, и с таким ее значением согласуется оспариваемая часть 1 статьи 15 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». Тем самым не предполагается, по общему правилу, получение подозреваемым или обвиняемым, его защитником или законным представителем либо близким родственником умершего подозреваемого или обвиняемого сведений непосредственно от оператора федеральной базы данных геномной информации.

Установленный статьей 161 УПК Российской Федерации запрет на разглашение данных предварительного расследования предполагает недопустимость их передачи (распространения) лицам, не являющимся участниками уголовного судопроизводства, или в объеме, превышающем пределы необходимости и достаточности для реализации права на обжалование решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих уголовное преследование, в той мере, в какой эти действия и решения затрагивают интересы указанных лиц. В соотношении с процессуальными правами подозреваемых, обвиняемых, а в случае их смерти – их близких родственников, возражающих против прекращения уголовного дела в связи с их смертью, это означает, в частности, отсутствие необходимости предоставлять лицам те сведения, которые прямо не затрагивают их (их умерших близких родственников) уголовное преследование и которые при своем разглашении потенциально способны оказать негативное влияние на расследование других дел. К таким сведениям – исходя из конкретных обстоятельств – может быть отнесена информация о совпадении или несовпадении генетического профиля подозреваемого или обвиняемого с другими записями в базах данных, поскольку разглашение такой информации способно отрицательно повлиять на предварительное расследование других уголовных дел, сделав потенциально доступной информацию для лиц, в отношении которых ведется или может быть осуществлено уголовное преследование и которые могут использовать эту информацию с целью уклонения от правосудия.

При этом в случае возникновения в ходе осуществления органами предварительного расследования процессуальной деятельности, связанной с

выявлением причастности умершего к совершению преступления, оснований прекращения уголовного дела в связи со смертью обвиняемого, подозреваемого, их близким родственникам предоставляются необходимые и достаточные процессуальные права, указанные выше, в том числе ввиду проведения генетической (молекулярно-генетической) экспертизы и оценки ее результатов.

8. Определением от 17 июля 2025 года № 1840-О Конституционный Суд проанализировал положения пункта 3 части второй статьи 38, статей 189¹ и 453 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно пункту 3 части второй статьи 38 УПК Российской Федерации следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с этим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа.

Положения статьи 189¹ УПК Российской Федерации устанавливают особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видеоконференц-связи.

Статья 453 УПК Российской Федерации регламентирует направление, в частности, следователем запроса о правовой помощи для производства на территории иностранного государства допроса компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором России, международным соглашением или на основе принципа взаимности.

Как отметил Конституционный Суд, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предусматривает допрос лица, находящегося в межгосударственном или международном розыске, по предъявленному обвинению заочно или дистанционно – с использованием систем видеоконференц-связи вне пределов России.

Поскольку, по смыслу статей 172, 173 и 189¹ УПК Российской Федерации в их взаимосвязи, они не предполагают предъявления обвинения и допроса обвиняемого путем использования систем видеоконференц-связи, постольку не предполагается и выполнение данных процессуальных действий в рамках правовой помощи в соответствии с требованиями статьи 453 этого Кодекса. Участие лица, находящегося за пределами России (в том числе объявленного в розыск), в предъявлении ему обвинения и в даче показаний в качестве обвиняемого посредством видеоконференц-связи вело

бы к отступлению от конституционного принципа равенства перед законом и судом, ставило бы его в привилегированное положение по отношению к другим обвиняемым, поощряя уклонение их от органов предварительного расследования, как и представление письменного пояснения по существу обвинения не может подменять надлежащий порядок проведения допроса обвиняемого.

Оспоренные нормы не содержат положений, ограничивающих права обвиняемого давать объяснения и показания по выдвинутому в отношении него обвинению, возражать против обвинения, представлять доказательства в свою защиту в установленном законом порядке.

9. Определением от 17 июля 2025 года № 1852-О Конституционный Суд проанализировал часть первую статьи 283 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Оспоренная норма устанавливает уголовную ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, лицом, которому она была доверена или стала известна по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, если эти сведения стали достоянием других лиц, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 275 и 276 данного Кодекса.

Исследуя доводы заявительницы о том, что эта норма позволяет привлекать к уголовной ответственности сотрудника уголовно-исполнительной системы, действовавшего на основании законодательства о противодействии коррупции и пытавшегося предотвратить назначение на должность другого сотрудника, в отношении которого имела информация о причастности к коррупционным проявлениям, впоследствии подтвержденным приговором суда, Конституционный Суд отметил, что сотрудники уголовно-исполнительной системы не вправе разглашать сведения о проведении оперативно-розыскной деятельности в целях выявления, пресечения, раскрытия преступлений или противодействия коррупции, которые отнесены в установленном порядке к государственной тайне и в отношении которых не принято решение о рассекречивании. При этом последующее рассекречивание сведений, отнесенных к государственной тайне, не свидетельствует об отсутствии признаков разглашения такой тайны в предшествующем поведении лица, которому она была доверена или стала известна по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Не препятствует это и оценке судами характера и степени общественной

опасности содеянного с учетом установленных фактических обстоятельств конкретного дела.

10. Определением от 17 июля 2025 года № 1870-О Конституционный Суд проанализировал в том числе положения части первой¹ статьи 214 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренному положению отмена постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьями 125, 125¹ и 214¹ настоящего Кодекса; в случае, если уголовное дело или уголовное преследование прекращалось неоднократно, установленный этой частью срок исчисляется со дня вынесения первого соответствующего постановления.

Как отметил Конституционный Суд, давая согласие на отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, суд осуществляет только контрольную функцию относительно обоснованности ходатайства прокурора или руководителя следственного органа и относительно достаточности причин для отмены такого постановления как неправомерного. При этом суд не принимает решение, подлежащее самостоятельному обжалованию как затрагивающее право граждан на доступ к правосудию и препятствующее дальнейшему движению дела, а равно не делает выводы, которые могут содержаться в итоговом судебном акте, принимаемом по результатам непосредственного исследования в ходе судебного разбирательства всех обстоятельств уголовного дела, в том числе о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

Применительно к промежуточному судебному решению о согласии на отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования приостановление приведения его в исполнение как не вступившего в законную силу вело бы к невозможности безотлагательного осуществления процессуальных действий, направленных на расследование фактических обстоятельств, послуживших основанием для возобновления производства по уголовному делу, а потому и к умалению государственной защиты прав потерпевших от преступлений на доступ к правосудию, на компенсацию причиненного им ущерба, к нивелированию обязанности должностных лиц и граждан соблюдать Конституцию Российской Федерации

и законы, как это следует из статей 15 (часть 2), 45 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации.